

Я новым именем покрою
Боль поражений и обид». —
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Между этих строчек читают все что угодно. И почему-то связывают их Октябрьской революцией. Кто-то видит здесь осмысление ее и принятие решения для себя, кто-то уверяет, что Ахматова не поняла происходящего. Стихотворение датировано осенью 1917 года и, если даже предположить, что оно написано после октябрьских событий, то вряд ли раньше всей России Анна Андреевна осознала случившееся. Дело в том, что эти строки никак не связаны с революцией. Стихотворение имело реального адресата и начиналось так:

Когда в тоске самоубийства.
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византизма,
От русской Церкви отлетал,
Мне голос был.

Речь идет о первой мировой войне! И посвящено

уехавшему Борису Анрепу. Четверостишие было опущено самой Ахматовой в последней прижизненной книге «Бег времени», но по каким соображениям — неизвестно. Эти строки не приводятся и в комментариях единственного научного издания большой серии «Библиотека поэта». Очень удобно для интерпретаций! И мы снова укладываем творчество поэта в прокрустово ложе наших представлений. (Если уж нам приходится расстаться с лестным убеждением, что мы самый читающий народ в мире, придется как-то смириться с мыслью, что мы самый тенденциозно читающий народ).

Впрочем, «виновата» в этом и сама Ахматова. Разве можно было так просто и так откровенно писать? Ее простота и вызвала желание определить (и значит определить) ее одним словом. Ее откровенность создавала иллюзию открытости для каждого.

Она «боролась» с этим

по-своему. «Прошло два-три года (со времени появления ее стихов в печати — С. Е.), — вспоминал К. Чуковский. — И в ее глазах, и в осанке, и в ее обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности: величавость... С каждым годом Ахматова становилась все величественнее». Встречавшийся с ней на протяжении десятилетий человек, В. Ардов, называл это по-иному — «оградительная надменность». Она не желала объясняться с миром в жизни, ведь она все объясняла в стихах.

Так и разошлись они — две Ахматовы: тонкая, демоническая, и одновременно застенчивая в миру «монашенка» и величественная, королевски-спокойная, «надмирная» дама.

...100 лет со дня рождения. Больше 20 лет после смерти. И мы только учимся читать ее стихи, освобождаясь от мифов, созданных ею самой и вокруг нее. Читать стихи и платить любовью за любовь.

С. ЕРЕМЕЕВА.

ПАМЯТИ АХМАТОВОЙ

1.

За всех обездоленных в мире
У Бога прощенье просить.
Без сына остаться в квартире,
В тюрьму передачи носить.

В болотном, сыром Ленинграде
Быть каждому камню сродни.
Спиной прислоняться к ограде,
Беспомощны страшные дни.
И взять предисловьем к поэме
Сестры по несчастью слова.
Любить свое грозное время,
Хотя и седа голова.

Забыв о больничной постели,
Писать до последнего дня.
Быть вместе с февральской метелью
Стихией добра и огня.

2.

Опять зима в окно стучится,
Холодный ветер снег метет.
Уже исписана страница,
Сомненье прежнее гнетет.

Зачем слова и их значение
В тревожном сумраке ночном,
Природы перевоплощенные,
Когда забыт далекий дом.

Вы гостя в каменном владенье
Чухонской мрачной стороны,
Где царскосельские виденья
Уж в запустении видны.

Не есть отрада Комарово
И деревянные дома,
Большие сосны, бес дворцовый,
Народ с палатами ума.

3.

Скажите, где Ахматовой могила?
В какой она исчезла тишине?
Меня туда дорога не водила,
Там сотни раз я побывал во сне.

Я все сказал кресту и чернозему,
Скворцу на ветке пыльной бузины.
В дом друзей оконному проему,
Где в комнате шаги еще слышны.

А ей сказать — не хватит целой жизни,
Что лучше поэтессы в мире нет,
Что по-другому мы живем в отчизне,
Прошли гонения жестоких лет.

Ее друзьям, товарищам по цеху,
Земной поклон поэтов наших дней
За то, что не давали на потеху
Над ней глумиться горсточке людей.

4.

А в Комарово тишь такая,
Что небо слышно на земле.
Опять тревожит речь родная
Лежащей книги на столе.

Страницы горечи и света,
Война, стучащая в окно,
Вопросы к мужу без ответа,
Когда его уж нет давно.

ВЯЧЕСЛАВ
ЛЕВЫКИН

Кронштадт. Развод, другой мужчина.
Сын без отца. Потом тюрьма.
Судьба страны, ее кручина.
Фонтанный дом. Сойдешь с ума!

Звенит «Поэмой без героя»
Его немислимый трамвай.
Два мужика, могилу роя,
На водку требуют и чай.

Успеть бы «Реквием» закончить,
В котором боль обнажена,
И с этим миром счет покончить,
Ведь жизнь и смерть всегда одна.

5.

Дубовый крест железным заменили,
Медальный профиль выбит на стене.
Траву подрезали, дорожку проложили,
Гудят макушки сосен в тишине.
Я все-таки приехал в Комарово.
Возможно, поздно, но ведь жизнь
сложна.

Да, да, конечно, воздух здесь здоровый,
Поляна разной ягодой полна.

А вдалеке скрип лодочных уключин,
Озерный плеск у дачной стороны.
Гудок электровоза днем закручен
В рабочий лязг натруженной страны.

За полотном дорожным шепот моря,
Песчаный пляж пустынен по утрам.
Но финским волнам голос горя вторит
И до могилы ходит по пятам.

Какие мысли мозг пылливый жгли?
Куда уйдем от жуткого простора,
От матерински пристального взора:
На смену им какими мы пришли?

6.

Вчера решил написать письмо
Своим друзьям о творчестве Ахматовой.
Не получилось. Думал, что темно,
А натолкнулся на закат агатовый.

Как каждый камень камню рознь и плен,
Так и теперь, конкретно в данном случае
Одна, как жизнь... Другая разве тлен?
Пустому размышленью не обучены.

Какой строкой о ней мне говорить?
Не остудить в душе ее мучения.
И с этим даром жизнь свою прожить,
Быть у нее навечно в обучении.

Ну что ж — живи! Не требуй райских кущ.
А заводские копоты несметные
Поглотит дикий приарбатский плющ
И перельет потом в стихи заветные.

1980—1988 гг.

ВЕСЕННЯЯ ОСЕНЬ

«Она пишет стихи много под Гумилева по неизбежности, а старается написать под Кузмина. Но в общем сносно — симпатичная, только очень тощая и болезненная, но недурная, высокая, броне-тка» (1910 г., М. Замятина). «Хорошенькая жена моего ленивого бывшего ученика, бродящего ныне по Африке» (1911 г., Ф. Фидлер).

«Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей» (воспоминания относятся к 1912 г., К. Чуковский).

О ком эти строки? Об Анне Ахматовой? О той покорлево величественной даме, каждое слово которой принадлежало если не истории, то по крайней мере мировой литературе? О той, которая стала почетным профессором Оксфорда?

Впрочем, да. Была же

Ахматова портретов Ю. Анненкова и Н. Альтмана... Впрочем, была ли?.. Я вдруг обнаружила, что Ахматова начала века и Ахматова военной и послевоенной поры никак не «сойдутся» друг с другом.

Об этом позаботилась сама Анна Андреевна. Она боролась против тени себя молодой. «Сбросить с крыльев» надо было некое расхожее представление об Анне Ахматовой как об интимно-лирической «поэтессе» (она всю жизнь ненавидела это слово), представление, которое как бы накладывалось на ее широкоизвестные портреты в молодости», — пишет близко знавший ее человек.

Ахматова боролась против мифов о себе, чтобы в конце концов создать новый миф. И создала. Сейчас, после того, как был опубликован «Реквием», ее поспешили объявить чуть ли не поэтом гражданским.

Почему мы так стремимся определить Поэта одним словом? Для того, чтобы объясниться с миром, поэт пишет всю

жизнь. И мы пытаемся объяснить его, выискать что-то между строк тогда, когда все — в самих строках. Читаю Ахматову — медленно и быстро, подряд и отдельные книги... Что же все-таки в ее стихах? Что объединяет их — ранние царскосельские, петербургские и петроградские, ленинградские и ташкентские (где она была в эвакуации)?

Только любовь. Любовь, как банально это ни звучит. Любовь, как ни звучит это высокопарно. Удивительная, безо всяких оговорок и учета ситуаций, без компромиссов и поблажек к себе. Любовь к определенному человеку и всему народу, земле, на которой родилась и которой невозможно изменить. Казалось бы — что может быть проще. Но и это можно опростить.

Кто не знает знаменитого стихотворения 1917 года?

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой

и грешный,

Оставь Россию навсегда.
Я кровью от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,